

## ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию  
Митюрёвой Дарьи Сергеевны  
«Рецепция политических идей Жана Бодена  
в Англии конца XVI–XVII века»,  
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук  
по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация Д.С. Митюрёвой посвящена не столько анализу наследия самого Жана Бодена, сколько тому, как высказанные французским мыслителем идеи попали на английскую почву, разрыхленную обильными конфликтами XVII столетия, а также тому, какие причудливые всходы они дали, воздействуя на умы, на высказывания и на поступки англичан мятежного века.

Автор, следуя предписаниям авторитетного лидера Кембриджской школы Квентина Скиннера, стремится «реконструировать оригинальные намерения и риторические ходы мыслителей прошлого в современных им контекстах»... что «расширяет репертуар возможных политических высказываний – высказывания же, сделанные в прошлом, могут получить новое политическое значение в современной полемике»<sup>1</sup>.

Несмотря на видимую простоту своего названия, диссертация затрагивает почти «неподъемную тему». О Жане Бодене написаны если не тонны, то центнеры книг и статей, но он остается фигурой, загадочной для нас, как, впрочем, и для современников. Как уживается его репутация теоретика абсолютизма с оппозицией по отношению к Генриху III и с участием в Католической Лиге, его рационализм с апологией жесточайших репрессий в отношении к ведьмам? А приписываемый ему «Семичастный разговор»

<sup>1</sup> Анташев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод. // Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории. М.: НЛЮ, 2018. С. 18.

88/2022  
от 12.05.2022

вообще настолько пронизан скептицизмом в отношении религии, что вызывает подозрения в атеизме. И даже на страницах одного и того же сочинения Боден часто утверждает вещи, противоречащие друг другу, не всегда заботясь о согласовании своих же положений.

Если во Франции конца XVI–XVII вв. Бодена хотя и цитировали, но не относили к числу признанных авторитетов, то в Англии его популярность была весьма велика, и, пожалуй, выше, чем современных ему французских мыслителей. Возможно, это происходило именно в силу некоторой эксцентричности Бодена, его впечатляющей эрудиции и явной противоречивости его высказываний. Первое привлекало к нему внимание английской публики, второе облегчало цитирование, позволяя демонстрировать свою глубокую образованность, третье же позволяло обращаться к нему сторонникам диаметрально противоположных позиций. Если «монархомаха» Франсуа Отмана цитировали противники сильной королевской власти и поборники религиозной свободы, то Бодена, как прекрасно показывает автор диссертации, могли считать своим как роялисты, так и сторонники Парламента, как ставленники Кромвеля, так и убежденные приверженцы Реставрации. Но не менее богатой была палитра политических симпатий и у критиков Бодена. Все зависело от контекста высказывания, от авторской позиции, занимаемой в скрытой или в открытой полемике с оппонентами. Главное, что цитирований Бодена в Англии оказалось великое множество и что классифицировать их авторов оказалось весьма сложно.

Забегая вперед, скажу, что Д.С. Митюрева хорошо справилась с этой задачей. Существенным достоинством диссертации, на мой взгляд, является то, что «строительные леса» в ней остались неразобранными – мы видим и ход рассуждений и *modus operandi* автора. Почти триста произведений, содержащих прямые упоминания Бодена или цитаты из его произведений (в основном, конечно, из «Шести книг о Государстве»), были проанализированы автором и включены в таблицу, помещенную в Приложении. Но это не просто «довесок» к работе, а значимая ее часть, возможно, одна из самых ценных.

Можно не согласиться с автором в выводах, можно придерживаться другого методологического направления, но таблица останется прекрасным рабочим инструментом для всех коллег.

Структура работы хорошо продумана, хотя и не вполне ординарна. Сперва рассказывается о путях проникновения идей Бодена в Англию, затем о цитированиях его «Шести книг о Государстве» и о динамике цитирований по трем периодам – до начала 40х годов XVII века, во время Гражданской войны и Протектората, в период Реставрации. Наконец, в третьей главе проводится качественный анализ рецепции идей Бодена у некоторых английских политических мыслителей – как крупных теоретиков класса Томаса Гоббса, так и у полемистов второго плана – последнее всегда является необходимым полем для анализа политического языка эпохи.

Такое сочетание качественного анализа с анализом количественным потребовало привлечения огромного числа источников. Это тот редкий случай, когда большой и прихотливо разбитый на группы список литературы (163 наименования) почти вдове уступает списку источников (306 наименований). Понятно, что автор не зря благодарен электронному ресурсу – базе старопечатных английских книг (Early English Books online) – только так можно было создать корпус цитирований, который и стал основным источником для второй главы исследования. Понятно, что база дает гораздо большее число случаев упоминания Бодена, но автор отбирал лишь те из них, которые относились к «Шести книгам о Государстве», причем не все цитаты, а относительно значимые. При создании корпуса цитат неизбежны «пограничные» споры – включать ли в него явные заимствования из Бодена, но не упоминающие имени этого мыслителя? Справедливо указывается на то, что вопрос об авторстве и плагиате не стоял на повестке дня (ни ВАК, ни «Диссернет» не были еще изобретены). Включить ли в список англоязычных авторов, англичанами не являвшихся – например, шотландцев? С одной стороны – шотландская политическая мысль развивалась несколько в ином русле, чем английская, что и привело уже в следующем столетии к феномену

Шотландского Просвещения. С другой стороны, в условиях композитарной монархии автор мог свободно перемещаться из одной страны в другую, как, например, Джеймс Стюарт. Хорошо еще, что он, будучи подвержен влиянию Бодена, его напрямую не цитировал, а то с корпусом возникли бы дополнительные сложности – ведь свои политические трактаты он писал еще будучи лишь королем Шотландии.

Что касается книг Бодена, то автор использует в основном лишь французские, латинские и английские издания «Шести книг о Государстве». Это вполне понятно, хотя, возможно, стоило бы вынести это в подзаголовок диссертации, подчеркнув, что речь идет не обо всех идеях Бодена, но преимущественно о тех, что были высказаны в этом труде. Другие сочинения привлекаются лишь спорадически и лишь в русских переводах. Я бы все-таки рекомендовал не забывать про «Ответ на парадоксы господина Мальтура» (или, на старый манер – Малеструа), поскольку сформулированные в этом сочинении идеи имели прямое отношение к королевской политике, и цитировались меркантильными англичанами. В диссертации об этом упоминается, но лишь мельком. Что же касается характеристики русских переводов «Метода» – я бы остановился подробнее на Кривушинском переводе первых двух книг. Это издание предлагает несколько иначе взглянуть на цель написания «Метода». Насколько я понимаю идею авторов перевода, Боден не столько пытался постичь закономерности исторического процесса, сколько хотел дать в руки читателей ключ к тому, чтобы разобраться в массе античных и современных исторических сочинений, систематизируя, как бы сейчас сказали, «информационные потоки». Если эта гипотеза верна, то она объясняет причины удивительной популярности Бодена у его целевой аудитории – адвокатов и проповедников, обязанных оснащать свои речи обильными цитатами древних и новых авторов, и причем по возможности избегая повторов и банальностей. Боден с его эрудицией здесь оказывался незаменим.

При обзоре литературы автор переходит на реферативный принцип, за что обычно критикуют диссертантов. В данном случае это объясняется обилием работ, посвящённых английской политической мысли вообще и месту в ней Бодена в частности.

Что можно здесь порекомендовать, чтобы обзор не производил впечатления аннотированной библиографии? Я бы обратил внимание на историографические и методологические предпочтения авторов. Понятно, что очень долго сильна была традиция вигов, традиция «английской свободы», отводящая Бодену определённое место, и авторы XX–XXI вв. не могли не принимать ее во внимание, полемизируя с ней или возвращаясь к ней на новом уровне. Понятно также, что авторы, во всяком случае – некоторые из них, отождествляют себя или отождествляются другими с определенным методологическим направлением. Самый яркий пример – Кембриджская школа. Скиннер и Поккок в диссертации названы, но есть ведь и другие их последователи среди упомянутых авторов. Имеются и иные направления. Среди авторов назван, например, Ральф Гизи, а он – адепт «церемониалистской школы», ученик Эрнста Канторовича (кстати, неужели Канторович ни разу не упоминал Бодена?). Дж. Сэлмон, которому автор диссертации обязан очень многим, явно не раздел взглядов Кембриджской школы, будучи скорее сторонником традиционной истории политических идей. Вообще характеризуя своих прямых предшественников – того же Сэлмона, Берджиса и, в особенности, Иоанниса Эвриджениса, Д.С. Митюрева воздает им должное и придерживается, как обычно комплиментарных формулировок. Это хорошо характеризует человеческие качества диссертанта, но в данном случае провоцирует вопрос – если предшественники так много и так правильно все сделали, то в чем тогда заслуга самого автора? Об этом говорится в соответствующем разделе диссертации и автореферата, но можно сказать и здесь, показав, в чем именно построения английских коллег требуют корректировки или доработки.

В диссертации активно используется понятие «дискурс». Он определяется как «система представлений, которые для говорящего или пишущего лица являются важными и правильными». (С. 29). Но далее говорится не о представлениях, а об языке, который отнюдь не является пассивным средством выражения. Справедливость этого наблюдения сегодня ощущается нами особенно остро. Не стоит ли в определении дискурса к системе представлений добавить еще и что-нибудь вроде «лингвистических клише», «типичных языковых формулировок и высказываний», «стереотипов восприятия»? Ведь автор убедительно показывает, что Боден писал одно (что уж он при этом думал – тайна за семью печатями), английский автор, цитируя его воспринимал другое, затем, транслируя его идеи, формулировал третье, а английская публика воспринимала четвертое. Немного странно, что Д.С. Митюрева уважительно относясь к Дж. Пококу не обращается к его концепту «политических идиом», который мог бы оказаться полезен в данном случае.

Мои конкретные замечания, по понятным причинам, в основном относятся к тем местам, где автор обращается к французскому материалу. На с. 35 говорится, что трактат Бодена появился тогда, «когда представления о необходимости централизации власти вступили в противоречие с властными полномочиями Генриха III, действия которого стали восприниматься дворянством как форма королевской тирании». Не оспаривая общей справедливости этого тезиса, обращаю внимание на то, что «Шесть книг о Государстве» выходит в 1576 году (разрешение на печать датировано 12 августа 1576 г.), а писалось, вероятно, еще раньше. Прибывший из Польши Генрих III, был коронован в Реймсе 11 февраля 1575 года. В условиях гражданской войны и потери контроля над значительными территориями, королю еще сложно было проявить тиранический или деспотический характер своего господства. К тому же сама фраза диссертации не вполне понятна – что побудило Бодена к написанию книги – стремление ограничить тиранию короля или стремление защитить его от огульных обвинений в тирании?

Репутация Бодена как теоретика суверенитета подсказывает первое, но контекст его политического выбора – второе. На с. 50 рассказывается о том, как Боден, депутат от Третьего сословия Вермандуа, боролся против финансовых запросов короля, отказывая ему в праве отчуждать домен. В результате Генриху III доложили, что Боден был «настоящим нарушителем порядка» и «управлял Штатами по своему усмотрению», после чего король больше никогда не относился к Бодену так же благосклонно как раньше». Но не понятно, впрочем, когда Боден успел попасть в фавор к последнему из Валуа, учитывая вышеупомянутую кратковременность его пребывания в стране. Скорее всего, он лишь надеялся ее снискать в будущем (о чем свидетельствует посвящение книги Пибраку, юристу, в ту пору близкого к королю).

Вызывает сомнение и тезис о том, что «умеренные представители Католической лиги вынудили Генриха IV принять католичество» (с. 45). Обращение в католицизм было подготовлено вовсе не лигёрами, а теми французскими прелатами-роялистами, который отказались присягать Лиге и не побоялись выступить в этом против папы. Только позднее умеренные лигёры начали переходить под знамена короля, вернувшегося в лоно матери-церкви.

В диссертации постоянно сравниваются функции французских Генеральных штатов с функциями английского Парламента и понятно, что сравнение было в пользу последнего (см. например, с. 54.) Такова была позиция большинства английских авторов. Но ведь и во Франции действовал Парламент, помимо осуществления функций высшего правосудия претендовавший на роль представительного органа, защитника законов и справедливости против «дурных советников короля», а случалось, что и против «тирании». Оба Парламента вели свое происхождение от «*curia regis*», с незапамятных времен призванной давать советы королю и помогать ему вершить правосудие.

Теперь – о некоторых замечаниях, связанных с переводом терминов.

Термин «droit» (с. 73 и сл.) во французском языке указывал и на справедливый, разумный и на правовой, юридически обоснованный характер действий. В нотариальных актах стереотипная фраза «comme en droit jugement» указывало на произвольное, то есть расходящееся с кутюмными предписаниями действия человека (например, завещателя или дарителя), но находящегося, вместе с тем, в своем праве, действовавшего по совести.

Термины «puissant» и «puissance» (с. 77 и сл.) родственны, но различны. И французы, и англичане охотно пользуются прилагательным, но крайне редко – существительным. Точно также накануне Революции было много «феодалного», но термин «феодализм» появляется лишь в последний момент, причем в пейоративном значении.

Слово «statsman» применительно к Бодену применяется часто, и переводится то как «государствовед», то как «государственный деятель» (с. 89, 105 и сл.). Во Франции наверняка согласились бы с первым значением, но весьма удивились бы второму – политический вес Бодена был невелик. Но вот для английских авторов он, вероятно, выступал именно как «государственный человек» если не как политик, то как мудрый советник правителей.

Английские авторы нередко говорили о том, что Боден ратовал за введение цензуры. Но говорили в положительном ключе. Для русского читателя надо бы пояснить, что речь идет не об ограничении свободы печати (англичане вряд ли бы поддержали это начинание), а о римском значении этого слова. Цензор призван был бороться с губительной порчей нравов в государстве. Например, иницируя законы против роскоши.

В качестве пожелания на будущее мне бы хотелось побольше узнать о месте Жана Бодена среди других французских авторов, получивших известность в Англии. В диссертации упоминаются отсылки к Франсуа Отману и анониму, скрывающемуся за псевдонимом «Юний Брут». Но знали ли на острове о Шарле Дюмулене – лучшем знатоке того, как римское право согласуется с правом обычным? Был ли известен Карден Ле Брет – автор знаменитой формулировки «суверенитет неделим, как точка в геометрии»?



Разумеется, высказанные замечания не снижают общей высокой оценки исследования Д.С. Митюрёвой и носят в основном рекомендательный характер или же являются приглашением к дальнейшей дискуссии.

Диссертация написана хорошим языком, общие положения представляются вполне обоснованными. Содержание исследования достаточно адекватно отражено в автореферате и в представленных публикациях. Методика работы с дискурсивными элементами, предложенная автором, на мой взгляд, имеет практическое значение, выходящее за рамки сугубо академического интереса к общественной мысли Англии XVII века.

Полагаю, что диссертация Д.С. Митюрёвой «Рецепция политических идей Жана Бодена в Англии конца XVI–XVII века» соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а соискатель заслуживает степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Отзыв представлен в Диссертационный совет 24.2.418.01 на базе ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Официальный оппонент

Заведующий отделом Западноевропейского

Средневековья и раннего Нового времени

Института Всеобщей истории Российской Академии наук

Член-корреспондент РАН, д.и.н., профессор

Уваров Павел Юрьевич

Москва, 119334 Ленинский проспект, д. 32 а

Тел : 8 (495) 938-13-44

dir@igh.ru.

